

РАССКАЗЫ

ЦЕПОЧКА

Редактор канадской русской газеты «Вести Торонто» Вера Воинова пребывала в задумчивости по поводу того, надо ли помогать людям настолько, насколько она это делает. Дело в том, что еще в детстве она прочитала где-то, что «если можешь сказать человеку „да“ — скажи». И это впечаталось в и без того склонный к альтруизму мозг — что надо стараться не отказывать, не огорчать. Всю жизнь она жила по этому правилу.

Это было трудно. Приходилось решать много чужих проблем, нести бремена других людей, доходило даже до риска жизнью, но Вера была твердо уверена, что человечество выживает лишь на взаимопомощи и что она выполняет журналистский долг.

Однако иногда она все же отказывала просителям. Когда чувствовала, что люди сами не все сделали, чтобы изменить ситуацию, когда они лгали и пытались использовать ее как орудие в борьбе с нехорошими целями или когда нагтели.

Два месяца назад она объявила в газете, что будет давать классифайд о животных бесплатно. Классифайд — это маленькие, со спичечный коробок, объявления от частных лиц. «Куплю, продам, сниму, сдам». Так вот Вера решила, что если люди бесплатно отдадут своих собак и кошек в хорошие руки, негоже брать с них деньги. Пусть лучше отдадут через газету, чем будут бросать животных на пустырях и обочинах.

Вера совершенно не предусмотрела, что объявления повалятся как из рога изобилия. Она не думала, что ей придется столько над ними работать: тексты ведь надо было набрать на компьютере, оформить в рамку, найти для них место. Причем в каждом номере газеты было разное количество таких объявлений, и потому над страницей приходилось долго трудиться. Как во многих эмигрантских изданиях, версткой занималась сама редактор.

Вера была готова дать бесплатное место под рекламу, но не готова была тратить часы на дизайн объявлений. У нее семья, в конце концов. Которая ее очень мало видит — Воинова в одиночку выпускает двадцатичетырехстраничную еженедельную газету.

Вера была ответственна не только перед читателями, но и перед домочадцами. Негоже благодетельствовать одним за счет других. Вот и раздумывала, что теперь делать.

Раздался звонок. Как водится в Торонто, читательница не представилась. И даже не сказала «здрасьте».

— Это кто? Редактор? Слушайте сюда, — произнесла незнакомка. — Я хочу дать объявление про котят. Я их раздаю. Не могу составить текст, давайте вы его для меня напишете.

— Пять строчек вы вполне можете составить сами, — сказала Вера.

Эвелина Азаева родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде («А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие»). Печаталась в журналах «Нева», «Дружба народов», «Наш современник» и др.

— Я не могу. Вы журналист, вот и сочиняйте...
— Я не для того журналист, чтобы про кошек объявления писать, — пояснила Вера. — Вы окончили советскую среднюю школу, думаю, у вас вполне получится.
— Да вы обязаны мне помочь! — гаркнула женщина.
— Мы живем при капитализме, у меня частная компания, я ничего вам не обязана, — сказала Вера и положила трубку.

Женщина перезвонила.

— Ты кто такая? — заорала. — Давай записывай!

Вера положила трубку. Руки тряслись. Вот зачем она объявила эту дурацкую акцию? Правильно говорят: благими намерениями вымощена дорога в ад.

И тут раздался новый звонок.

— Добрый день, Верочка. Это я, ваша постоянная читательница Таисия Елочкина, — проворковал знакомый голос.

Таисия была давней читательницей, иногда она звонила и хвалила статьи, рассказывала о своих делах. Вера ее всегда выслушивала, как и множество других читателей. Они про что только не рассказывали: про свой рак, СПИД, уход мужа, болезни родителей, и Воинова все слушала, ибо знала, что к психологам люди не пойдут — дорого, и в Канаде может плохо кончиться (стуком в госучреждения), значит, помочь им, выслушать и дать совет может либо она, либо священники. Священников было мало, она — одна профессиональная журналистка на всю общину, но вместе они уже получились командой. Мокрожилетчиков. Тех, кому можно поплакаться в жилетку и кто сохранит тайну исповеди.

Так вот Таисия позвонила насчет котят.

— Запишите, пожалуйста, мое объявление, что я отдаю котят.

Вера записала.

— Верочка, там у вас еще место осталось?

— Нет, в этот номер больше места нет.

Таисия попрощалась, а через несколько минут перезвонила. И защebetала:

— Я позвонила подружке, она хочет продать своих щенков... Давайте вы для нее найдите местечко!

Вера разозлилась.

Рявкнула:

— Я вам сказала «нет»! Вы почему после этого подружке звоните?

— Я... — пробормотала Таисия.

— Что «я»? Я уже записала ваше объявление, а вы решили мне всю махаллю¹ привести? Не буду я ничего переделывать! Страница уже готова и переделке не подлежит! До свидания!

Вера бросила трубку в совершенном бешенстве. Она устала. Часы показывали одиннадцатый час вечера. Еще немного, и она опоздает с отправкой номера в типографию, а читатели звонят, отвлекают.

* * *

Прошло две недели, и Вера в суете совершенно забыла об этом разговоре. Она продолжала акцию, но объявила, что «по телефону тексты не принимаем, присылайте на e-mail». Чем отсекала многих, не владеющих Интернетом. А таковых в русскоязычной общине было, как ни странно, много. Русскоязычная диаспора в большинстве своем состояла из эмиграции семидесятых — восьмидесятых, то есть людей немолодых.

Они, конечно, могли бы попросить своих взрослых детей послать в газету объявление по Интернету, но почему-то не просили. Страшно боялись отвлечь детей от вели-

¹ Махалля — район, квартал или община в мусульманских странах.

ких дел. Звонили чаще всего Вере и просили обо всем на свете: узнать расписание полетов в страны СНГ и Израиль, привезти им газету прямо в дом, проконсультроваться бесплатно у адвоката, пользуясь своими журналистскими возможностями, и сообщить им ответ, сходить с ними в суд переводчиком...

— Пойдите, у вас есть дети? — спрашивала Вера.

— Есть. Но они заняты, у них работа.

Получалось, она, Вера Воинова, бездельница. На ней можно ездить.

Итак, Вера отсекала часть дающих объявления тем, что стала принимать тексты только по Интернету. Объявления поступали, но меньше, готовые, и жить стало легче.

И тут позвонили. Плачущий голос произнес:

— Ну и как вам спится?

— Кто это?

— Это я, Таисия Елочкина, — проплакала женщина. — Я, между прочим, с тех пор, как вы со мной так плохо поговорили, переживаю. Я не сплю! Вы всегда были такая ласковая, а тут взяли и накричали на меня...

— Извините...

— Вы устали, я понимаю, нас много... Но мне было так плохо после нашего разговора! Я же вас люблю. Я всегда вас читаю. Я для вас платок-паутинку связала, все жду, когда мы увидимся. Я всегда дорожила тем, что вы со мной разговариваете. А вы взяли и отругали меня... И знаете, что потом произошло? У меня работали строители — крышу чинили. Я пошла к ним после вас и накричала на них. Они тоже расстроились. Один упал и сломал ногу. Вот что вы наделали.

Вера поражено и виновато молчала.

Кто-то сломал ногу из-за нее.

Какой ужас.

— Таисия, я не хотела. Я ведь тоже человек. Это был конец рабочего дня...

— Я все понимаю, — всхлипывала Елочкина. — Но я хочу, чтобы вы знали, как ваше слово отзывается.

* * *

Игорь лежал дома с ногой в гипсе перед включенным телевизором. Но он не смотрел новости, а думал о своем: вот что теперь делать? Два месяца вон из работы. И оплачено это не будет, потому что он не входит ни в какие профсоюзы, наемным работником не числится, а, как многие иммигранты в Канаде, зарегистрировал свою компанию, а работает на дядю... Дяде так удобнее — чтобы не платить за Игоря налоги, не отвечать за него.

Страховая компания тоже не заплатит, потому что Игорь не успел застраховаться — только устроился.

Теперь, поди, еще и обратно не примут, зачем он им такой — два дня проработал и ногу сломал? Неудачник. Они теперь боятся, чтобы он на них бочку не покатыл. В суд чтобы не подал, не обвинил работодателя.

Он, конечно, не такой, не кляузник и никого обвинять не собирается. Но работу он потерял, это точно.

Хорошо, жена работает, можно не беспокоиться за оплату квартиры, но как сообщить маме, живущей в Петербурге, что он, Игорь, не приедет? Он почти пять лет не был на родине, с самого переезда в Канаду, и сейчас мама его ждет, а он сломал ногу — не приедет. А ей семьдесят шесть, у нее преддиабетическое состояние, и она так ждет!

Это удручало больше всего.

* * *

Зоя Васильевна жила одна в трехкомнатной квартире около Летнего сада. Всегда думала: как хорошо, что ее квартира именно здесь! Пешком можно дойти не только до Летнего сада, но и до Михайловского парка, и до Марсова поля. При одинокой старости это большое удобство, когда есть где погулять.

Учительница-пенсионерка проводила сына с семьей в Канаду летом 1999-го. Понимала, что остается одна, но хотела, как лучше ему и внуку. При Ельцине ведь добра не будет, а он власть добровольно не отдаст, думала она, вспоминая события октября 1993-го. Зоя Васильевна считала, что «иго поганое» — надолго. Сдохнет этот, придет другой изувер. Шаловливые ручки просто так Россию из рук не выпустят.

А сыну и внуку надо жить здесь и сейчас, добрых времен они просто не дождутся. И потом, НИИ Игоря расформировали, сколько он может без зарплаты перебиваться? Уже и таксовал, будучи физиком, но после того, как получил ножом в бок, пришлось этот заработок бросить.

Зоя Васильевна спать не могла — боялась за сына. Он работал то там, то сям, в частных компаниях друзей детства, бывших однокурсников, которые в перестройку оказались пошустрее. И везде, в каждом бизнесе, был какой-то криминал. И денег — кот наплакал. Игорь явно не вписывался в новую жизнь, в которой тот хорошо ест, кто хитер, лжив и жесток. И потому, когда Зоя Васильевна услышала, что Канада принимает людей с высшим образованием, обрадовалась и стала толкать сына к отъезду.

Он не хотел уезжать, но потом сдался на такое ее соображение, что поедет он с семьей не навсегда, а временно — до тех пор, пока не получит канадское гражданство. А вот тогда он уже и вернется в Россию. Но с канадскими долларами, заработанными за время ожидания паспорта, и с самой паспортной, которая даст ему возможность ездить в Канаду, когда заблагорассудится, зарабатывать там и приезжать домой тратить.

Прекрасный вариант!

Но получилось иначе. Игорь с семьей живут в Канаде уже более четырех лет и, похоже, возвращаться не намерены. Сын по телефону говорит, что только-только начали нормально зарабатывать и пока не с чем еще возвращаться. Не накопили. Кроме того, он пошел на курсы — хочет получить лицензию электрика. Зою Васильевну удивило, что физик говорит об этой самой лицензии как о мечте...

— Мама, здесь электрики — это не как у нас! У нас это непрестижно и невыгодно по деньгам. А в Канаде электрик считается специалистом чуть ли не как у нас инженер, состоит в профсоюзах, у него хороший доход!

Зоя Васильевна озадаченно пожимала плечами. В ее семье семь поколений учителей. Затесались туда и журналисты. В общем, интеллигенция все. А теперь что говорить окружающим, что Игорь у нее — электрик?

Учительница стеснялась этого и одновременно корила себя за снобизм — не сама ли она учила детей в школе, что «каждый труд почетен»?

В общем, канадское бытие сына ее не особенно радовало. А тут еще оказалось, что Ельцин добровольно отказался от власти! Отдал ее! Какому-то никому не известному офицеру КГБ, который правит вот уже пятый год, и пока еще точно непонятно, что к чему, но есть обнадеживающие моменты!

Например, сразу после того, как сменился президент, Зоя Васильевна прочитала в газете, что в Россию вернулись из Германии старинные иконы. А Путин работал в Германии, отметила она. И получается, сразу, как «воцарился», забрал наши иконы от немцев!

Зоя Васильевна тогда чуть не подпрыгнула! НАШ?

Но она боялась сама себе поверить. Столько было пережито плохого в девяностые, столько постигло разочарований в политиках, что не хотелось испытывать новое. Пристально вглядывалась она в лицо нового лидера, когда он выступал. И хотя он поначалу произносил «демократические» речи, как и другие политики, птенцы ельцинского гнезда, она откидывалась на спинку кресла счастливая.

Он не смотрел в глаза.

Значит, он произносил речи, не веря в них. Скрывая истинные намерения.

А какие намерения могут быть противоположными вражьи́м, «демократическим»? Патриотические.

НАШ?

Зоя Васильевна когда-то увлекалась книгами одного талантливого гипнотерапевта. Он учил, что если хочешь узнать мысли другого человека, сделай его выражение лица. Женщина представляла себе, при каких обстоятельствах она сама, если бы стала президентом, произносила речи, не глядя в глаза? Да вот при таких же! Когда надо сначала утвердиться на месте, укрепить милицию и армию, спецслужбы и только потом объявить свои настоящие — патриотические, государственнические — намерения.

Сразу ведь если скажешь — враги скинут. Они трон обсидели, как мухи.

И сейчас, в 2004-м, она уже видела все больше и больше доказательств того, что президент работает на благо страны, что он свой, плоть от плоти.

Вот же радость!

Вот же счастье!

Вот же бальзам на раны!

А она Игоря из страны вытурила — может, не надо было? Поторопилась?

Она часто думала над этим и приходила к выводу, что все же не зря. Пока Путин страну поднимет — пройдут годы, он не волшебник. А Игорь в Канаде может заработать на отдельную квартиру за это время. Вот получит лицензию электрика, начнет зашибать деньги, накопит и вернется.

Ой, как она соскучилась! Но ничего, сын скоро приедет, в следующем месяце. Зоя Васильевна уже график нарисовала — что будет готовить ему. Это будут разные завтраки, обеды и ужины. Вкусная и здоровая пища. Его жена такую не производит. А мамочка приготовит, тем более что у нее и деньги есть. Зоя Васильевна сдает одну комнату в своей квартире девушке-студентке.

* * *

— Мам, я не приеду, сломал ногу... Не беспокойся! Ничего страшного! Срастается нормально... Я ем кальций... Ну что ты так испугалась? Я выздоровею, поработаю немножко на билет и подарки и приеду. Ну что значит «не надо подарков»? Здесь, в Канаде, очень много красивых вещей, которые тебе понравились бы... Хорошо, хорошо, заработаю только на билет и приеду.

Игорь положил трубку, выпил обезболивающую таблетку — нога на самом деле болела — и уснул.

А Зоя Васильевна сидела расстроенная и с тоской смотрела в окно на дождливую улицу. В Санкт-Петербурге всего сорок солнечных дней в году. И надо быть очень сильным человеком, чтобы в этом городе, в этом климате не впасть в депрессию.

Нет, она не позволит себе.

— Никакая я не старуха! — отгоняла она кого-то, кто незримо летал вокруг и злорадовал ее тоске.

— И не одинокая! У меня есть сын и внук!

— Ну и пусть за границей, приедет же?
Она положила голову на столешницу и зарыдала.

* * *

Юлька забеременела. И теперь сидела на своей кровати, глядя в окно на дождливую улицу, и думала: что делать? Как учиться в университете, если будет ребенок? Как платить за квартиру, если ты в декретном отпуске? Так-то она подрабатывает, да плюс стипендия, да пенсия по потере кормильца: Юля — сирота, вот и выкручивается. А тут не будет ни стипендии, ни подработки.

То есть ребенок совершенно некстати.

И в то же время... Леша, папа ребенка, за то, чтобы она родила. Он от отцовства не отказывается. Но он тоже студент, тоже снимает жилье.

И вот что делать? На аборт идут обычно, когда парень против рождения ребенка. А Леша не против, сделал предложение, но получается, что она должна убить свое дитя из экономических соображений.

Убивать не хотелось. Было и страшно, и погано на душе. Юлька снова и снова продумывала свою ситуацию, искала, за что зацепиться, как можно оставить ребенка, и не находила.

Она услышала рыдания на кухне. Удивилась. Неужто Зоя Васильевна? Такая сильная женщина, неунывающая...

Девушка вышла на кухню и убедилась, что да, плачет ее квартирная хозяйка. Быстро выяснилась причина: сын не приедет, сломал ногу.

Юля заваривала чай, наливала его Зое Васильевне, утешала. И когда совсем-совсем утешила, решила поделиться своим несчастьем. Рассказала о беременности.

У Зои Васильевны от удивления даже слезы сразу высохли.

— И что ты думаешь делать?

— Не знаю...

— А тут и знать нечего. Иди на аборт. Ты же ни учиться, ни работать не сможешь.

— Хорошо...

— Надо получать высшее образование, иначе всю жизнь мыкаться будешь, родителей-то нет, помочь некому.

Девушка понуро ушла в свою комнату.

А Зоя Васильевна сидела ожесточенная, злая. Сын не приедет, жилищка решила у нее в квартире детсад устроить — платить не будет, зато будет стирать, варить и пачкать — с младенцами-то оно так. И все за ее счет. Почему она, Зоя, такая невезучая?

Но внутри шевелилось какое-то сомнение, какой-то стыд, пока еще едва различимый из-за обиды на жизнь, однако что-то скребло лапой по сердцу.

Женщина выпила валерьянки и села за кроссворд — он всегда отвлекал ее от плохих мыслей и был хорошей тренировкой стареющего мозга.

* * *

— Не надо на аборт! — убеждал в трубку Леша. — Подожди, я сейчас приеду!

Он явился через сорок минут, худой и мокрый — само олицетворение бедности и несчастья, но решительный.

— Во-первых, у тебя потом может не быть детей, во-вторых, мы справимся. Я что-то придумаю, — уговаривал он, но Юля, хотя ей были приятны его слова, думала, что Зоя Васильевна правее. Надо сделать аборт и завершить учебу. Леша — хороший парень, она выйдет за него замуж, но не сказать, чтобы он был добытником. Просто до-

брий. А это значит, что он будет поддерживать ее большей частью морально. А материально она должна будет сама где-то добывать деньги на себя, ребенка, оплату квартиры.

И это нереально.

Надо принять жесткое решение.

Такова жизнь.

Леша ходил по комнате взад и вперед. Потом взял в руки матрешку, открыл ее, достал из нее вторую, в которой находилось еще восемь куколок, и показал Юле.

— Смотри, если ты сделаешь аборт, ты убьешь не одного ребенка. Ты уничтожишь весь род. Всю ветвь. Ты потом родишь другого малыша, может быть. Но именно эта ветвь, которая от меня и сейчас, будет уничтожена. Все десять, двадцать, сто человек!

Леша учился на историческом и мыслил веками и эпохами.

— А может быть, ты навсегда останешься пустой, как вот эта, — он указал рукой на самую большую, пустую матрешку.

* * *

Вера Воинова позвонила Таисии Елочкиной на следующий же день после того, как та высказала ей претензии. Попросила номер телефона компании, которая ремонтировала ее крышу. Потом позвонила туда и узнала имя и фамилию пострадавшего работника. Номер его мобильного ей не дали, но через знакомых строителей она его все же добыла, позвонила, договорилась о встрече.

— Вы будете удивлены, но в том, что вы упали, виновата я, — говорила она лежащему в постели незнакомцу. — Я плохо поговорила с читательницей, она разозлилась и накричала на вас. Вы расстроились, не так поставили лестницу и упали. Я хочу все исправить. Хотите, я найду вам работу, которую вы сможете выполнять на компьютере?

— Хочу! — сказал Игорь.

— И давайте я вашей жене дам бесплатные объявления на шесть месяцев, хотите? Кем она работает?

— Недавно получила лицензию риэлтора.

— Прекрасно, присылайте фотографию, текст. Будем ее пиарить. Если она продаст дом, это с лихвой покроет ваш вынужденный простой.

Игорь обрадовался. Его жена, когда узнала, — еще больше. И вот удача — она действительно через три недели продала квартиру, которую выставила на продажу в Вериной газете. А это означало, что через пару месяцев, когда состоится заключение уже подписанной сделки, семья получит много денег! Стало быть, можно сейчас, не боясь, брать деньги с кредитной линии на билет в Россию.

Решили отправить не Игоря, а шестнадцатилетнего сына. На два месяца к бабушке!

* * *

Радостное известие Зоя Васильевна получила через месяц после того дня, когда рыдала. Данилка приедет! Сердце скакало в горле. Тысячи мыслей пролетали со скоростью поезда: надо ему и Эрмитаж показать, и Русский музей, и Кронштадт — в общем, искупать ребенка в русской культуре, а то в канадах-то, говорят, с духовностью не ахти. Он в двенадцать лет уехал, поди, и язык подзабыл. Надобно будет с ним говорить и говорить...

Женщина достала график блюд, который рисовала для сына. И добавила туда еще несколько вкусняшек. Сырники! Как же она забыла? Сырники со сметаной, запеканка с изюмом — дети это любят.

Она летала по квартире, подклеивала отставшие обои, надраивала кафель в ванной, переставляла мебель в комнате, которую готовила для внука. Попросила Алексея, квартирантского парня, перенести туда телевизор.

И тут, глядя на его сутулую, худую фигуру, вспомнила.

— А вы знаете? — спросила.

— Что?

— Что Юля... ну...

— Беременна? Да, знаю.

— И что вы думаете делать? — строго спросила Зоя Васильевна.

— Она записалась на аборт. Послезавтра.

— А вы что?

— Я против. Хочу жениться. Но она меня не слушает.

— А что говорит?

— Говорит, что ей нечем будет платить за квартиру. Я предлагал, чтобы я к вам переехал, и я буду платить за квартиру, но она сказала, что вы против. А к себе ее взять я не могу: снимаю комнату в коммуналке, там во всех прочих комнатах алкаши, орут день и ночь, и тоже хозяин не позволит девушку поселить. На другое жилье денег не хватит, мы давно сняли, у нас плата ниже, чем сейчас на рынке.

Зоя Васильевна ушла на кухню и долго там мыла посуду. Потом вытерла руки о передник и постучала в комнату Юли.

— Ребята, я вот с чем. Рожайте! — с порога объявила она. — И пусть Леша поселится с тобой, Юля, в одной комнате. Платить будете столько же, сколько раньше, но за свет и воду уже не половину, а две трети, так как вас двое.

— Трое, — радостно выдохнула Юля.

— Малышам вода и свет — бесплатно! — провозгласила Зоя Васильевна.

Она закрыла за собой дверь и полетела на кухню. Тело вдруг сделалось невесомым — давно она такого не ощущала. До этого у нее было грузное, расплывшееся тело, болели ноги, а тут — как будто скинула тридцать лет. Из угла на Зою Васильевну блеснула икона, да так, будто в ней включили фонарик. Женщина даже оглянулась на окно — там что, наступил один из сорока солнечных дней?

Но день был обычный, пасмурный. И Зоя Васильевна, вопросительно взглянув на лик Богородицы, полетела дальше — на кухню. Надо накрутить мяса, мальчик придет уже в конце месяца. Мальчики любят котлеты.

СКОРО ПРИДЕТ ГЕРОЙ

К счастью, следующие клиенты — китайцы. Вот о чем думала Анна, когда ехала по калгарийским улицам к маленькому аутичному мальчику. Анна — специалист по работе с такими детьми, едет развивать пятилетнего малыша. Сейчас, через месяц после объявления Россией спецоперации на Украине, работать стало трудно. К стрессу профессии (видишь чужое непоправимое горе, улучшить детей можно, вылечить — нет) прибавилось то, что в каждом канадском доме постоянно включен телевизор и население прилипло к экранам. Смотрят на настоящую войну в Европе. Они привыкли, что война идет где-то на Ближнем Востоке, в Азии, в далеких и непонятных, а прямо говоря, и нехороших странах. Там живут недемократичные, дикие люди, о чем говорить вслух, понятное дело, нельзя, но мы же понимаем... Они выдают девочек замуж за дедушек, практикуют женское обрезание, они вешают геев, и у них нет честных выборов. А значит, ковровые бомбардировки — это правильно, и ура-ура нашей коалиции.

А тут снаряды рвутся в Европе. У всего мира на глазах. Путин (тиранище!) начал войну! Неважно, как там русские ее называют, это самое настоящее вторжение в маленькую, никому зла не сделавшую, такую симпатичную, с венками и ленточками, Украину, которая просто хочет свободы от страшной, азиатской, ГУЛАГоподобной России. И вот Россия обидела ребенка. Канада, обукраиненная снизу доверху, сразу заявила, что будет помогать. Народ влип в экраны.

Такого шоу еще не было. (Бомбардировки Белграда в 1999-м не заметили, ибо, опять же, НАТО спасало хорватов и албанцев от таких же зловердных и непредсказуемых, как русские, сербов.)

...Анна приходит в разные дома и обычно идет в комнату ребенка через гостиную. В последнее время почти всегда — мимо семьи, которая смотрит по телевизору, как русские танки движутся по украинской земле. Русская учительница, конечно, не рассматривает эти территории как Украину, а считает землями Российской империи, и народ там, по ее мнению, свой, родной, хотя и обманутый, зомбированный, но говорить об этом она не будет. Это как кричать сумасшедшим в уши, что они сумасшедшие. Никто не поверит, а с работы уволят. В стране не принято на работе обсуждать политику. И уж тем более быть на стороне России.

Анна никому ничего не говорит, но неприятно смотреть, как действиям твоей страны ужасаются. А вот с китайцами легко — они ей улыбаются, с Путиным согласны. Индусы тоже ласково смотрят.

— Хотите чаю? И у меня есть булочки, — предлагает китайская мамочка. Анне не положено угощаться, но у восточных народов принято угощать. Не отстанут, пока не подкормят, и она принимает чай, но отказывается от булочек, ссылаясь на несуществующую диету.

С китайчком проводит два часа. Выкладывает. По-другому, как некоторые ее коллеги, не может. В конторе, где она работает, центре для аутистов — частном заведении — делают все спустя рукава, только чтобы родителям пыль в глаза пустить. Ни пособий там толком нет, ни игрушек развивающих. Разделили большое помещение, размером со спортзал, на стеклянные кубрики, на окнах помещения специальное покрытие, чтобы сотрудники видели улицу, а оттуда к ним никто не мог заглянуть, и занимаются с аутистами. Анна наблюдала чем: часто сидят в телефоне, а ребенок сам, один, в углу играет. Если умеет играть. А то просто сидит, раскачивается. Ей по ее требовательности выдали листочки с черно-белыми заданиями, она пошла в магазин, купила с цветными рисунками, но ответили, что нет, нельзя, есть свой план, вот по нему и иди... И если родитель через месяцы спросит, почему ребенок ничему не научился, на него внимательно посмотрят и скажут: «Так он аутист. Чего вы ждали? Тут быстрых результатов не бывает».

Ложь! Если заниматься, бывают. Анна за несколько занятий обучает держать ложку или застегивать молнию на куртке, пить через соломинку или мыть руки. Упор в канадском образовании для аутистов — на навыки самообслуживания. Особенно ей жаль четырнадцатилетнего Стивена, которого привозят и бросают с телефоном в руках. С ним ужасно тяжело. Уже большой парень — и по возрасту, и физически развит. Она с ним позанимается час: порисует, покажет картинки, назовет предметы на них, попросит, чтобы повторил, а ему в центре для аутистов еще пять часов быть, уже без нее. И его просто запирают в кубрике с телефоном. А кто может пять часов смотреть мультики? И он бесится, кричит, бьет в дверь, в стекла. А они из спецматериала — не пробьешь...

Хотелось бы сказать его родителям, которые платят большие деньги за то, чтобы сына развивали, что им никто не занимается, но тогда будет скандал, ее выпрут с работы. А деньги очень нужны. Анна — одинокая женщина, она платит за дом (хоть

и субсидированный, дешевый, а все-таки счета съедают третью часть зарплаты), за машину надо платить — бензин и страховку, плюс еда, лекарства для больной восемнадцатилетней дочери. На самом деле это племянница. Ее мать умерла, девочка была удочерена Анной в три года, и теперь она любимая доченька. Единственная. У нее оказалось тяжелое и редкое заболевание. Надо лечить, зарабатывать.

А совесть за Стивена гложет, и Анна наблюдает за родителями, которые оставляют паренька в аутическом центре, пытаюсь понять: они знают, что их ребенку не помогают? Вскоре замечает, что его нередко привозят грязным. Значит, дома о нем тоже не особенно заботятся. Не любят, а терпят и вот бросают сюда, чтобы не мешал. Отдыхают. Это самое болезненное — видеть, что родители не любят своего «особенного» ребенка.

Конечно, их можно понять: трудно с таким двадцать четыре часа в сутки. Домашняя психбольница. Но с другой стороны, Анна знает, что если ребенка любят, он очень улучшается. Аутисты ведь — не сумасшедшие, это люди, которые будто заключены в некий кокон. Чаще всего не умеют разговаривать, но чувствовать, понимать могут. И радуются, когда их любят, и плачут, когда нет. Правда, выражают это в непонятной для окружающих форме.

Стивену нечего делать, и порой он начинает мастурбировать прямо у Анны на глазах. Потому, что возраст. И потому, что его никогда не оставляют одного — без пригляда, и понятно, что это свое дело ему в любом случае приходится делать у кого-то на глазах. Желание шибает ему в светлую, кучерявую подростковую голову, и он, отвернувшись к стене, получает удовольствие. Анне противно и страшно, она пытается переключить его внимание на занятия, достает припрятанную в сумке игрушку, которая крутится на столе, мини-юла, но мальчик внезапно свирепеет и бросается на учительницу, вцепляется в волосы. Анна нажимает на кнопку специального звонка, и к ней приходит помощь.

Конечно, идея с юлой — не лучшая, но а что, сидеть и смотреть, а потом вытирать ему руки салфеточкой?

Остаток дня Стивен колотится головой о стены, кричит, рычит. Не потому, что столь безумен, а потому, считает Анна, что до него никому нет дела. Пока она с ним занималась, он ведь сидел тихо, отвечал, рисовал и даже улыбался. А коли каждый день тебя запирают на часы в замкнутом пространстве, что же еще делать?

...От китайцев Анна едет в дом к клиентке-украинке. С той стало сложно. Бабушка из Ровно, она воспитывает внука-аутиста одна. Где его родители — непонятно. И она, конечно, молодец. Тратит на ребенка деньги, Анна у нее не от конторы, а частным образом дает уроки. И бабушка Августа хорошо платит. Она моложава, ухожена. Деньги на внука Августа получает через благотворительные фонды. Пробивная.

До военной операции все складывалось неплохо, было сложновато только потому, что женщина безотрывно следила за занятиями, наблюдая, чтобы учитель не отдыхала. Но Анна привыкла выкладываться, жалела детей и не собиралась халтурить. Ребенок был милым, чистеньким, красивым, его особенно хотелось спасти. Ему всего четыре, а значит, еще есть время развить его.

Сейчас с Августой стало тяжело находиться в одной комнате. Она встречала вопросом: «Ты слышала новость? Русские уже у Киева...» — и заглядывала в глаза. Страстно хотела найти ответ, на чьей стороне Анна. Та отворачивалась, снимала обувь, доставала тапки и спрашивала в ответ: «Марек хорошо спал? Он не уставший?»

— Хорошо, — торопливо отвечала украинка и в смятении удалялась. Потом, перед уходом Анны, снова заводила волынку про военную операцию.

— Нет, ну как так можно? Россияне стреляют по мирным людям, звери! — и снова пристальный взгляд.

— Вы, пожалуйста, вечером повторите с Марекком счет до пяти, — просила учительница.

И вот опять она едет к Августе. В высотку в центре Калгари. Это красивое здание, всё в зеркальных стеклах, с консьержем, мягкими креслами и зеркалами в золотистых рамах на входе. Надо отмечаться, когда приходишь.

На этот раз Августа была настроена решительно. Только впустив Анну, зачастила:

— Я просто не могу жить... Не могу спать... Русские разбомбили полигон у Львова, базу, где были даже канадские волонтеры. Орки насилуют женщин и детей... Как вот вы к этому относитесь, Анна?

— Я не смотрю новости, у меня очень много клиентов. Прихожу домой в семь и еще два часа готовлюсь к завтрашним урокам.

— Нет, ну вот я вам рассказала. Как вы считаете, Путин сошел с ума? Вы же на нашей стороне, как канадская гражданка...

О-о-о. Запахло угрозой. Доносом. Анна не знает, что ей будет, если власти Канады узнают, что она за Путина. Скорее всего, ничего. Она давно за него, как и тысячи других русских канадцев. Они все последние годы ходили Бессмертными полками, проводили демонстрации за Донбасс, собирали туда гуманитарку, и ничего. Но все равно противно.

— Мне не позволяют говорить о политике. Учителя не должны это обсуждать.

— Но вы же у меня работаете не от компании, а сами по себе.

— Этика касается любого учителя.

Они смотрят друг на друга. Анна понимает, что ей надо уходить. Не из квартиры, а вообще. Не даст ей эта бабка работать. Августа в свою очередь понимает, что перед ней — представитель «агрессора». Путинистка. И вот как быть? Марек к ней привык, стерва хорошо обучает. Украинство в Августе борется с родительством. С бабушкинством.

* * *

Сначала победило бабушкинство. Но ровно на четыре урока. Оскорбленное украинство продолжало бурлить, и Августа стала делать Анне замечания: «Вы слишком часто смотрите в телефон!» Анна туда смотрела пару раз за два часа уроков. Секунду. Пришло сообщение, она не стала его открывать, но взяла телефон в руки, чтобы посмотреть, не от дочери ли. Может, у той нестерпимые боли, и пора «скорую» вызывать.

На следующем занятии старушеница упрекнула, что Анна ходила в туалет. «А Марек в это время плакал! Что вы ушли. Он к вам очень привязан».

Не знаешь, что и ответить. Маргарет Тэтчер гордилась, что могла не ходить в туалет по шесть-восемь часов. Но Анна — не Маргарет.

После третьего занятия Августа сообщила, что Анна не следит за ребенком (сама она куда-то уходила), и у него синяки, значит, он упал. Она продемонстрировала синяки у мальчишки на ногах. Анна от ребенка не отходила, значит, синяки появились после ее ухода, стало быть, бабка решила использовать их против нее. После четвертой встречи она обвинила Анну в том, что та якобы оставила ребенка одного (сама Августа снова покидала квартиру на время занятий), и тот проглотил таблетки, и его рвало, ребенок мог умереть.

Тут наконец до учительницы дошло, что клиентка не успокоится, пока не лишит ее лицензии. Анна сообщила, что это ее последний урок, и ушла. В машине, пока ехала домой, держась за руль трясущимися руками, все же переживала, что лишается большой суммы. Украинка брала много уроков. Теперь где-то надо искать нового клиента — заполнять финансовую брешь, ведь эти деньги уже пошли в дело: Анна посылала их маме в Томск. Точнее, потому что перевод денег в Россию запретили, она

отдавала их знакомой в Калгари, а та со своего российского счета переводила эквивалентную сумму в рублях ее матери.

Придя в офис, Анна узнала, что Августа позвонила туда и сказала, что Анна Донцовф — плохой учитель, детям с ней находиться опасно и ее следует уволить.

— Эта женщина украинка. Она огорчена событиями на родине, — объяснила Анна директору.

И ее поняли. К счастью, руководство знало ее как профессионала, и в стране уже начались украинские выходы против русских иммигрантов, газеты мягко предупреждали бурлящую украинскую диаспору об ответственности и публиковали e-мэйл полиции русским для жалоб. В Торонто дошло до того, что некая дамочка призвала украинок вредить русским детям. «Вы же работаете в детсадах и школах, подсыпайте кацапским детям в еду, пусть сдохнут! Если вы маникюрша, заражайте русских клиентов СПИДом!» — призывала обезумевшая Ганночка. И допризывалась до уголовного дела. Не из-за угроз, хотя и их бы хватило, а потому, что она, зарабатывающая выпечкой домашних тортов, действительно насыпала чего-то в торт для детей (семье своих постоянных клиентов, которых обслуживала годами!), и праздновавшие попали в госпиталь с отравлением. Не смертельным, но рвота и понос были.

Анна думала над этой историей. С одной стороны, негодование украинцев можно понять: кому приятно, если в твою страну вошла чужая бронетехника? Представила такое в России, и сердце упало. Этого просто нельзя вынести. Однако... Во-первых, вошли на Украину не танки Мозамбика, а свои, русские вошли... Не сопротивлялись бы, так и без крови обошлось бы. Что вам, плохо было в УССР? Да вы только тогда спокойно и жили, когда со своими, русскими. А с поляками резали друг друга. Ну да ладно, украинцев уже переформатировали, и они не верят, что русские — свои, считают нас мокшей, угро-финнами, татарами (как будто в присутствии этих кровей есть что-то плохое). Но призывать травить детей, заражать СПИДом? Анна бы не стала. И никто из ее знакомых не стал бы.

Русские все предшествовавшие СВО годы вели в Канаде активную деятельность по моральной и материальной поддержке Донбасса. Не военных подразделений (тут опасались, что обвинят в спонсировании незаконных формирований), а больниц, детдомов. Едва началась бомбежка Донбасса, весной 2014-го, как обезумели от горя. Метались. Не знали, что делать, как помочь. Проводили митинги против АТО, стояли во всех больших городах перед местными парламентами с российскими флагами. В Оттаве так стояли, когда Порошенко прибыл. Туда же пришли украинцы, и только полиция спасла две толпы от побоища.

Анна в те дни посмотрела по российскому телевидению сюжет о погибших от взрывов на улицах Донецка и Луганска и после этого случайно наткнулась на ютубе на песню «Солнечный круг». Как она рыдала! Как совершенно по-другому, чем в детстве, открылись ей слова этой песни:

Тише, солдат, слышишь, солдат!
Люди пугаются взрывов,
Тысячи глаз в небо глядят,
Губы упрямо твердят:
«Пусть всегда будет солнце...»

А украинцы канадские не понимали русского горя, не сочувствовали, охаивали в соцсетях сожженных в одесском Доме профсоюзов людей, смеялись над «жареными колорадами», проклинали убитого полицией русского активиста (дело темное, никто так и не понял, почему остановили и застрелили в Эдмонтоне простого русского

мужика, строителя, который всеми, включая канадскую компанию, в которой он работал, характеризовался как добрый, спокойный труженик. Говорят, полисмен был украинцем, а на русском была майка со словами: «I love Russia»). Так вот, украинцы его проклинали, узнав, что он организовывал Бессмертные полки, гоготали.

А теперь удивляются, почему русские не возмущены падением снарядов на Львов, Киев и другие города. Отчего российская общественность не в ужасе, ведь «война — это самое страшное, нападение ничем не может быть оправдано» (да ну?). И продолжают стебаться над нашим ответным: «А чего вы не возмущались восемь лет, пока бомбили Донбасс?»

«Дамбили Бомбасс? Бугага» — вот и весь ответ.

Неделю назад Анна ходила в сауну. Чтобы отвлечься от всех больных — и от клиентов, и от дочери, у которой из-за болезни совершенно испортился характер. Она целыми днями сидела дома, смотрела аниме и искала, в чем мать виновата, чего ей недодала, и особенно ее бесило, что Анна не прекращает попыток наладить личную жизнь. «На штаны меня променять хочешь?» — кричала девушка.

...Только Анна вышла из парилки, как к ней подошла дама. Сразу в лоб спросила на русском:

— Ну и что ты обо всем этом думаешь?

Минутное замешательство, и Анна сообразила, о чем речь.

— Почему я должна вам отвечать?

— Говори, а то я тебя сейчас... — женщина выругалась.

— Я сейчас полицию вызову, — твердо сказала Анна. И баба в махровом полотенце, красная и потная, все же отступила, но стала орать про русских, про Путина. И настроение все же испортила.

В другой раз пришлось увидеть, как украинка мечет йогурты в какого-то человека в магазине и орет дурниной: «Чемодан-вокзал-Россия! Нечего тут русским делать! Мы победим вашу Рашку! Мы ее с лица земли сотрем! Украина понад усе, запомни, скотина!»

Самые конспирологические-преконспирологические теории в такие минуты овладевали Анной. За восемь лет она так и не поняла, что случилось с украинским народом. Русские вдруг увидели, как он заскакал и начал кричать, что москаляку на гиляку — ни с того ни с сего, при вполне себе независимой жизни после падения СССР, в течение двадцати трех лет, когда «москаляка» не особенно даже и смотрел в их сторону, выбираясь из пропасти. И вот нате — на гиляку...

С чего украинцы обезумели? Многие тогда, в 2014-м, высказывали версию, что им что-то подсыпают в воду или распыляют в воздухе. Не мог весь народ вдруг измениться, будто бес в него вселился. Анна за три года до переворота побывала в Киеве — после многих лет жизни в Канаде. И все на Украине было прекрасно — тепло и по-домашнему. Люди говорили по-русски. Про Путина — с уважением и завистью к россиянам. Про свою власть — без уважения, но и без ненависти. Вели себя так же, как омичи, новосибирцы или воронежцы.

Киев за годы независимости всеобщего благосостояния не достиг, было ощущение, что власть страны живет сама по себе, а народ — сам по себе. Анну позабавило, как киевляне называли парадными подъезды, которые будто под бомбежкой побывали. Там не только большими кусками отвалилась штукатурка, но и были даже большие дыры, будто в стену внутри подъезда попало ядро. И это еще до майдана...

И все же Украина жила мирной, спокойной, вполне сытой жизнью. С переворотом ничего не улучшилось, напротив — новые власти и их прихлебатели стали жить еще роскошнее, а народ — погибать на войне, которую ему тут же устроили. Тьма же, как только овладевает какой страной, первым делом войну развязывает... В ней сплошные

выгоды: и оружие новое опробовать, и ВПК заказы получает, и военные — опыт, и умирают не свои. А главное — погибают молодые мужчины — те, кто способен сопротивляться тихой иностранной оккупации. Остаются бабы, дети и старики. И делай что хошь: грабь, навязывай гей-парады, органы вынимай...

В фильме «Иван Васильевич меняет профессию» это наглядно показано — как два жулика, усевшись на трон, сразу отправляют армию в поход, потому что боятся ее.

У Анны в голове не укладывалось, как могли украинцы это все принять. Ведь в то время, что она ходила по Киеву, разговаривала с самыми разными людьми, она увидела, что они простосердечны, добры, честны... Спросила на базаре цену на шапку вязаную, ей ответили, она пошла дальше с мыслью, что поищет цену пониже, а если не найдет, купит эту шапку бабушке, которую встретила на углу и которая была в ноябре в тоненьком платочке («а у меня шапки нет»). Ничего лучше не нашла и вернулась к первой торговке, отсчитала озвученную сумму, купила. И когда пошла прочь, торговка ее окликнула: «Женщина, вернитесь. Я, вообще-то, дешевле эти шапки продаю». Анна вернулась, получила сдачу, удивилась.

Наш народ. Русский. Только окраинный. Жалко торговке стало Анну с больной девочкой: дочка Анны, несмотря на то, что ей было тогда семь лет, сидела в коляске...

Анна пошла к бабушке, которая присела на углу улиц на лавочке и ела какую-то плюшку, вручила ей шапку и денег дала. Та не ожидала, не нашлась даже что сказать. И Анна ушла, а когда уже была далеко, оглянулась и увидела, что старушка стоит столбиком, прижав толстый вязаный мохеровый берет к груди, и смотрит ей вслед.

Потом в обувном отделе магазина девушка долго рылась в каких-то бумагах и таки нашла ей босоножки для дочки со скидкой, хотя Анна не просила. Анне приглянулись киевляне. Приехала в Канаду и хвасталась друзьям, что «дома побывала». Потому что тогда домом было все — Москва ли, Киев ли, Минск ли...

Хозяин квартиры, которую она снимала в Киеве, тоже понравился. Светлоокий, с тонкими чертами лица, интеллигентный молодой мужчина. Она позвонила, сказала, что не может открыть стиральную машину, а там ее белье, и он тут же приехал, открыл и слова поперек не сказал, что, мол, дура ты, дура, включила бы мозги, так сама бы открыла. Она предложила возместить затраты на такси, он отказался. И ведь знал, что она из Канады, а не позарился.

Наши люди... Где он теперь, этот парень, неужто воюет? А может, давно в земле, может, его еще в 2014-м призвали?

Горе, горе...

Так вот не могла Анна понять, как жителей Украины сделали такими бесчувственными, злобными, зигующими, и предполагала, как и многие другие, что им что-то в воду подсыпают или распыляют в воздухе. Потом вспомнила, что есть у нее в Киеве знакомый, который за союз с Россией. Значит, все же не подсыпают?.. Ну и если вспомнить бандеровщину, так она всегда на Украине была. Просто сейчас ей дали автомат и микрофон...

Зависть еще сгубила, жадность. Уж как им вдруг захотелось в Европу... Так разозгли себя, что предали родного брата. За каинство Бог и карает. Целая страна, охваченная пороком, может быть наказана так же, как один человек. Рим был разрушен разворотом, Украина — завистью. Одним хотелось, как в Европе, и они скакали, другие не вмешивались в происходящее — их хата с краю. В то время Анна и вдумалась впервые в эту пословицу. У русских же не говорят, что изба с краю. Нам до всего есть дело: до голодающих в Африке, до загнанных в резервации индейцев. Русская армия кому только не помогла за свою историю: болгарам, сербам, сирийцам, армянам. Да что там говорить — не раз весь мир спасла. А на Украине — хата с краю. Донбасс бомбят, а в Киеве в барах пьют и пляшут...

Уже после пандемии пришло в голову, что, может, им, украинцам, прививки какие ставили еще до 2014 года? Под видом вакцинации от гриппа. И они теперь управляемы извне?

Дикая гипотеза? Смешно? Но Билл Гейтс придумал микрочип для аборта. Он вводится женщине под кожу, и извне ей можно сделать аборт. Некто нажимает кнопку, и в организм выливается вещество, которое убивает плод. Об этом написала «Нэшнл пост». Да и другие СМИ сообщали. Вот скажите, зачем нужно такое изобретение? Для контроля за демографией, для наказания непослушного? Плохо работала, выступала против смены пола детям, вот тебе — не имеешь права родить.

А ведь так можно убивать не только плод, но и саму женщину, думала Анна. Зависит от вещества в микрочипе. А управлять человеком — чтобы скакал и чтобы поглупел, стал внушаем, разве нельзя?

В начале пандемии высмеивали мысль о том, что вакцины против ковида могут оказаться микрочипами. Анна же прочитала на правительственном монреальском сайте беседу с учеными. Беседа та должна была развенчать конспирологические теории, но только укрепила их. Ученых спросили, можно ли через иглу вставить микрочип. И те ответили, что не только можно, но это происходит сплошь и рядом: так чипируют животных и птиц и так вставляют чипы тем, кто хочет бесконтактно расплачиваться. Вот и думалось, глядя на скачущих украинцев: сами подпрыгивают или их извне заставляют? Арестович сказал, что у соотечественников порваны все нейросвязи. Это он образно выразился или что-то знает?

Надо расколдовывать Кая. А как его расколдуешь, коли он так и находится в чертогах Снежной Королевы, и сердце его стало льдом, и тебя ему показывают в блюдечке с голубой каемочкой, приговаривая: «Вот сестра твоя Герда, она пришла убивать». Остается биться в эти чертоги на бронетранспортере, закидывать снарядами, взрывать их к едрене фене и рвать Кая из рук морозной стервы — пусть и с кровью, отрывая ему руки, ноги, потому что душу надо спасти. Душа — важнее.

Тревожилась Анна. С одной стороны, радостно, что Россия своей операцией положит конец войне на Донбассе и Украина снова будет наша — не только территориями, но и по духу (выбили раз бандеровщину и сейчас выьем — как грязный половик), с другой стороны... А ведь получила Тьма то, что хотела: гибнут молодые русские, молодые украинцы, все те же самые силы, которые могли бы сопротивляться власти Зла. И если все затянется, то там и там останутся обширные территории с бабами, стариками и детьми. Крути их, как хочешь, вытряхивай им карманы, захватывай земли, бури недра. Разделяй на множество мелких стран и властвуй.

Но разве есть у России другой выход, кроме как силой спасать и спасаться? Нет, не оставили.

* * *

Русские в Канаде попричихали. Раньше можно было ходить с российскими флагами, с Путиным на майке, требовать, чтобы Канада не давала деньги на АТО, а сейчас не то. Из каждого утюга несется про Украину, показывают разрушения, утверждая, что это русские наделали, беженцев интервьюируют, вызывая жалость в сердцах добрых, в общем-то, канадцев. Те искренне сочувствуют.

Но не все.

— Энн, ты давно была в России? — осторожно подбирается к теме канадская клиентка, Джоанна.

— Давно.

— Путин — хороший? — канадка смеется, чтобы, если что, выставить вопрос шуткой.

Анна прямо смотрит в глаза и решает, что она имеет право на свои пристрастия. Будь что будет.

— Самый лучший, — сообщает.

— Так ты за него? — оживает Джоанна. — Мы тоже. Он борется с глобалистами! Его за это и ненавидят. На Украине множество биологических лабораторий! Мы очень на него надеемся, что он все выявит и прекратит весь этот ужас с ковидом и вакцинацией. И ты знаешь, что он не дает пропагандировать гомосексуализм перед детьми? Да!

Анна молчит, слушает.

— Как только Россия начала войну, по всему миру прекратилась пандемия! Отменяют запреты, и то, чего мы тут добивались «конвоями свободы», пришло к нам само собой! Благодаря России! Благослови ее Бог!

Анна улыбается, надевает ботинки, а потом внезапно, поддавшись порыву, обнимает Джоанну. И та держит ее в своих объятиях долго. И они понимают друг друга и любят друг друга, как две жертвы кораблекрушения, обнаружившие себя целыми и невредимыми на необитаемом острове. Обе они принимали участие в «конвоях свободы» в феврале — незадолго до российской военной операции.

«Конвой» начался, когда канадский народ, замученный карантинами, масконошением, увольнениями непривитых, дистанционным фиктивным обучением детей, а главное — принуждением и запугиванием с экранов, восстал и показал, что он не раб. Тысячи дальнбойщиков двинулись огромной колонной в Оттаву, чтобы встать перед парламентом и потребовать возвращения гражданских прав.

Ковида-то в Канаде почти не было, несмотря на печальную статистику. В 2020 году никто из знакомых Анны не болел. Это как так-то? В России, Китае, Индии, Иране — короче, в «оси зла» — люди болеют и умирают, а тут божья благодать. Специально опросила знакомых в фейсбуке, есть ли у них кто-то, кто болен. Нашлось двое, кто знает таких людей. Из сотен ее фейсбучных друзей...

В 2021-м, когда в страну завезли вакцины (то, что именовалось вакцинами), больные появились, но ковид был таким легким, что не требовал ни особого лечения, ни госпитализации. Анна с дочерью пережили его легко и даже не обращались к врачам. Вышло, будто кто-то выпустил легкий штамм, чтобы подтолкнуть народ к вакцинации.

К зиме 2022-го миллионы осознали, что операция по их спасению от ковида полностью подтверждает конспирологические теории, но не знали, что делать в стране, где везде камеры и где ты весь в кредитах. Протестовать страшно, когда твоя компания закрылась навсегда после двухлетнего, с редкими перерывами, карантина и ты получаешь пособие от государства. Оно на долгий срок обеспечило покорность канадцев судьбе. Но к февралю 2022-го его уже не платили, и народ, услышав, что тракеры идут на Оттаву требовать отмены антиковидных запретов, примкнул. Тысячи людей стояли вдоль дорог, приветствуя дальнбойщиков, с плакатами, на которых нарисованы сердца, написаны проклятия в адрес власти и требования о возврате прав. А миллионы — в Канаде и США — скидывались на акцию. В итоге собрали больше двадцати миллионов долларов.

— Я неожиданно стал канадским революционером, — рассказывал Анне русский дальнбойщик Сергей. — Мы ехали в столицу, чтобы качать свои тракерские права, чтобы отменили обязательную вакцинацию для нас, но народ высыпал на дороги — с едой, с письмами детей, с такой оглушительной надеждой на спасение, будто мы армия. Невозможно было не поддаться, не встать у же за всех...

Пятидесятилетний мужик, он вытирал слезы, вспоминая эти дни. Работу, к слову, потерял: компанию, в которой он работал, закрыли, но ни о чем не жалеет. «Я сказал семье, чтобы, когда умру, написали на памятнике: „Сергей Иванов, участник «Конвоев свободы»-2022“».

Конвои подавили. И сильные мира сего не были бы собой, если бы не отобрали те самые миллионы долларов. Лидеров мирного протеста отправили за решетку, ввели военное положение и дубинками разгоняли людей и конями топтали. Счета замораживали, домашних питомцев участников протестов обещали усыпить. (На том основании, что, если владделец арестован, питомцу грозит голодная смерть.) В общем, показали всему миру североамериканское народовластие.

«Оно навсегда», — нагло улыбаясь, сказала с экрана одна высокопоставленная дама о военном положении, которое по закону вводится только в случае террористической, военной угрозы или стихийного бедствия. Но через три дня Оттаве пришлось его отменить. Анна не знала почему. Подозревала, что посыпались банки, из которых испуганное население стало массово снимать большие суммы.

Канадцы до этого не были о себе высокого мнения. Они осознавали свою чрезмерную послушность, которая происходит вовсе не от глупости или трусости, а из-за упаханности. Большинство бизнесов в стране ведь частные. Конкуренция высока и жестока. Долгов у каждого — море. Кредитами элиты закабаляют общество. Благами, роскошью соблазняют. И вот набирает человек всего — дом покупает, машину, ездит в турпоездки, гардероб ломится от шмоток — тут ведь культ успеха, ты не должен отставать от других, клиентура разбежится, если увидят, что ты беден... А в итоге ты не можешь и слова молвить против сильных мира, так как если вылетишь с работы, чем платить за дом, еду, машину? Из дома банк выгоняет уже через два месяца неуплаты.

В России можно хоть в тайгу убежать и жить, как Агафья Лыкова. В Канаде найдут. С вертолетом. Потому что нечего на чужой земле проживать. Почти вся земля принадлежит королевской семье.

Страх и отчаяние охватили Канаду в два года пандемии. Не ковида боялись, а тех, кто от него «спасает»... По телевизору утром и вечером главный медицинский инспектор выступал(а). Не поймешь: мужик ли, баба ли... И только плохое говорит...

— Я каждый день закроюсь в ванной и плачу, — сказала Анне знакомая американка.

— Не бойся, — утешала ее русская. Хотя и сама периодически ложилась на кровать и сворачивалась в позу эмбриона — тосковала. — Все будет хорошо.

— Откуда ты знаешь?

— Мир не может быть завоеван, у него есть защитный механизм, иначе его давно уже кто-то захватил бы. Но это не получилось ни у Македонского, ни у Чингисхана, ни у Гитлера, ни у Наполеона. И у этих... не получится. Они не могут предусмотреть все. Это раз. Второе — скоро придет Герой.

— Какой герой? — удивилась американка.

— Обыкновенный. Он всегда приходит, когда народу тяжело. Ниоткуда. И спасает. Вот увидишь.

Американка засмеялась. Поверила. С такой убежденностью Анна говорила... А та просто хорошо знала русские сказки и понимала, что это не сказки вовсе, а хроники, изложенные в доступном необразованным крестьянам формате. И богатыри, которые спят тридцать лет, а потом являются и крушат Идолище Поганое, действительно были. И конечно, не спали они, а росли...

...Так вот, и иммигранты были о канадцах мнения невысокого, как о людях закабаленных, малочитающих и боящихся собственной тени, и сами они о себе такого же были мнения. А тут! Увидев, сколько их, недовольных, бесстрашных, стоящих на площади у парламента и обнимающихся друг с другом, требующих возвращения прав и реальной демократии, канадцы зауважали себя. А иммигранты искренне, не напоказ, полюбили Канаду. До этого просто жили, питаюсь ее благами и честно, в общем-то, работая, но не испытывая чувств. А тут увидели канадский народ. В буквальном смысле.

ле. Стоящий в пуховиках, шапках с помпонами, с плакатами на груди: «Я здесь, чтобы когда внуки спросят, где я был в то время, я мог сказать, что сражался». С транспарантами «Невакцинированные — это розовый сад», «Иммунитет — лучшая вакцина». Мальчик один стоял с транспарантом: «Вырасту и стану тракером — чтобы спасти нашу страну». Вакцинированные тоже принимали участие. Они понимали, что сохранили работу, но им не дали выбора, заставили уколиться.

Анна плакала от восторга, и многие плакали и вытирали слезы варежками, а тем, кто забыл варежки, незнакомые люди их давали, ибо запаслись, зная, что кто-то из единомышленников придет без них. Это была атмосфера любви и единения, когда все — потомки шотландских и ирландских переселенцев, индейцы, китайцы, русские, украинцы, арабы и персы — чувствовали себя единым народом, над которым нависло Зло. В эти февральско-мартовские дни 2022 года они держали канадский флаг с красным кленовым листом с любовью. Правда, перевернутым, чтобы показать, что страна поставлена с ног на голову.

У Анны снова увлажнились глаза, когда узнала, что на мост Амбассадор, связывающий Канаду и США, поддержать тракеров пришли ветераны разных войн. Водители перегородили дорогу в знак протеста против требования правительства, чтобы они все вакцинировались. Военные в парадных мундирах, с медалями встали стеной, сцепившись локтями и закрывая собой колонну дальнбойщиков.

...После этих объятий у них с Джоанной стали совсем другие, почти сестринские отношения. Анна и так-то выкладывалась, занимаясь с ее дочкой, а тут и вовсе превзошла самое себя, и девочка отзывалась на эту заботу, быстро прогрессировала.

Героем же, о котором Анна говорила американке, оказался Путин. Неудивительно, конечно. Он уже спас Россию после девяностых. И Сирию — спас. Странно ли, что и сейчас на помощь испуганному человечеству снова пришел русский офицер? Нет. Но Анна все же не ожидала. Она думала, что история преподнесет другую, новую персону, взявшуюся невесть откуда. Но нет. Бог возложил спасение мира на все те же плечи. Кто везет, тому, говорят, подкладывают.

Если, конечно, все это — вся мировая политическая канитель — не фарс, не шоу и все настоящее — и царь, и враги, и прочее. Потому что после шапито с пандемией, включая вакцинацию и в России, у миллионов зародилось чувство, что все предопределено какой-то всемирной шайкой, которая лишь распределяет для стран роли. Но об этом лучше не думать, а то можно совсем сойти с ума.

В наше время, когда отовсюду на тебя идут информационные потоки и ты сомневаешься уже буквально во всем, главное, поняла Анна, прислушиваться к интуиции. Иногда человеку не остается ничего, кроме как просто верить тем, кого он всегда любил... Дай Бог, они все те же...

Хотя новые герои все же появились. Кадыров. И вся его Чечня. Смотреть — не насмотреться. Что воины, что их молчаливые матери. «Независимо от того, как закончится спецоперация, мы будем бить сатанистов», — сказал в горькие дни, когда у наших не особо ладилось на фронте и сердца россиян погрузились в тревогу, тоску и подозрительность. И его сердце — это было заметно — тоже не находило покоя.

Но заверил. И дополнительные силы послал на фронт. И все время, как былинный князь, находился со своей дружиной. Как никто. И с народом всей страны ежедневно вел разговор — объяснял, утешал... А когда Путин с трибуны говорил о любви к России, поднял мужественное, бородатое лицо вверх, будто хотел, чтобы появившаяся в глазах влага осталась там. Любит, любит Россию. Не лгал, когда говорил, что пехотинец...

Дорогой ты наш.

* * *

Это был выходной. Один-единственный в неделю. Светлое Христово воскресенье. Днем Анна с дочкой жарила барбекю на фронт-ярде — участке земли с ровно подстриженной травкой перед домом. Вечером у нее было назначено свидание. На сайте для знакомств познакомилась с импозантным мужчиной — немолодым, но и она не девочка — сорок лет.

Любви хотелось. Заботы тоже. А то одно сплошное преодоление. То английский учила, то в колледже грызла гранит науки на этом языке, потом искала работу, а в Канаде без опыта не хотят принимать... Пришлось поработать бесплатно, волонтером, за рекомендации. Потом доказывала работодателю свой профессионализм. И вот каждый день пашет, и дочь поддерживает — морально, физически (девочке тяжело что-то делать, потому Анна и готовит, и убирает, и стирает). Так еще и прибавилась военная операция и связанные с ней переживания за наших там и за себя здесь, ибо на русскую речь стали оборачиваться.

Анна все еще мечтала о любви. Она смотрела на себя в зеркало и видела очень красивую женщину. Высокую, стройную, с длинными темными, густыми, чуть выщипанными волосами. У нее большие глаза и полные губы, тонкий нос, высокие скулы. На вид ей не больше тридцати. Ее и дочь принимают за сестер. Однако она одна. На личную жизнь не хватает времени. Единственный выходной нужно отдавать дочери. Ну и настирать, наготовить на неделю.

Хорошо буржуи устроили свой мир — загрузили людей так, что тем некогда не то что революции делать, а даже просто продумать, что их не устраивает, изучить вопрос. Хочется просто лежать. Раскинуться по кровати морской звездой и закрыть глаза, спать.

...Анна и дочь вытащили барбекюшницу на фронт-ярд и жарят мясо. А почти над ней, над барбекюшницей, которая стоит у забора, нависает балкон соседки. Римма — эмигрантка с Украины, живет в Канаде давно. В прошлом, 2021 году они с Анной были в хороших отношениях, и Римма спросила, можно ли ей загорать на Аннином участке. Ибо у Риммы была квартира, а не дом. Тоже субсидированная (это жилье для бедных, вполне приличное, но гораздо дешевле), но без земельного участка. Анна разрешила, и украинка провела на ее газоне все лето. А потом через полгода вдруг взяла да настучала в менеджмент, что у Анны дома есть стиральная машина. А это запрещено. Владельцы субсидированного жилья не должны иметь дома стиралок, ибо они жрут электроэнергию. Есть общая прачечная, где в ряд стоит несколько машинок, и туда, засовывая за каждый час по доллару, нужно бросать одежду и стирать.

Анна вначале так и делала, пока не заметила, что соседская семья из Нигерии стирает там кроссовки. Потом увидела дряхлых стариков в памперсах (они при ней покупали их в аптеке напротив), стирающих там свое белье, и, по природе своей брезгливая, женщина больше не смогла опускать в машинку свои нежные трусики и кружевные лифчики. Купила машинку и спрятала в ванной, накрыв клеенкой.

Римму она домой приглашала, чаем поила, и та, разумеется, знала о машинке. И вот настучала. Ни с того ни с сего. Анна перестала с ней здороваться. Главное, что у Риммы тоже была дома стиральная машина, но Анна решила не доносить в ответ. Боялась, что та разозлится и будет еще больше гадить. Машину, например, расцарапает или колеса будет протыкать. Анне уже не раз царапали машину и протыкали колеса в 2014—2015 годах, когда она прикрепила под лобовым стеклом георгиевскую ленточку. Однажды даже дерьмо положили на капот.

И соседка, ощутив безнаказанность, сорвалась в пике. Неистовствовала. Видя, что Анна и дочь дома и у них открыто окно, она садилась за столик на балконе и нарочито громко говорила неизвестно с кем. Доносилось: «С... из Сибири... Две б..., мамаша и дочка... Да я их раз... в один момент... Для них уже могила вырыта... Чмо российское». Тут и дошло, отчего взбесилась соседка. Из-за военной операции.

Анна терпела. Приходила домой, и дочка сообщала ей, что Римма снова материлась, включала громко музыку, кричала, что она «депортирует этих томских шалав», «нечего им делать в нашей Канаде». И вот когда мясо жарилось и мать с дочерью зашли в дом, чтобы приготовить салат, соседка начала мести на балконе. Размашисто. Пыль пополетела на мясо. Анна побежала спасать еду, а дочка стала снимать действие. Соседку с веником над мясом...

Дома Анна плакала. Устала. От всего. От больных детей на работе и дома, от жизни на чужбине. Ей бы хотелось жить в Петербурге, всегда мечтала, но тут у нее есть дешевое жилье от государства и работа, а там ни жилья, ни денег, чтобы его купить. Опять же, тут дочери платят пособие по инвалидности, а там, Анна проверяла, это заболевание не входит в число тех, по которым дают инвалидность. Анна плакала и потому, что у нее всю жизнь нет надежного плеча рядом. Ее красота еще держится, но скоро увянет, славянки стареют как-то враз. Это по китайкам не поймешь, сколько им лет.

А нет времени искать мужчину даже просто для секса. И совершенно непонятно, где заниматься этим самым сексом: к взрослой дочери в дом не приведешь, тем более что у нее из-за болезни нет личной жизни, к любовнику пойти — значит оставить девочку, которая и так всю неделю дома одна, и в единственный мамин выходной, в одиночестве. Замкнутый круг.

И все же вечером она отправилась на свидание к тому самому, импозантному. Выглядела дивно: голубое платье (в Канаде женщины редко носят платья, потому эта одежда производит самое благоприятное впечатление на местных мужчин), умело уложенные феном волосы, благородный, неброский, в пастельных тонах макияж.

* * *

Пока ехала к месту встречи — скамейке в парке, вспоминались другие мужчины с сайта для знакомств. На нее, сорокалетнюю, клевали в основном кавалеры шестидесяти лет. Жадные, а потому никому не нужные.

В России мужчины одиноки чаще всего оттого, что гуляли напропалую, и жена не выдержала. Или пили. В Канаде другое. Жадны. Скрупулезно все считают. Нередко воспитывают детей в одиночку. Это означает, что персонаж много зарабатывает, не хочет платить большие алименты, понимает, что они и на бывшую жену будут уходить, и отсуживает дитя. Тогда не только алименты не надо платить, но еще и с жены их можно брать. И вот она встречалась с одним, с другим, и хотя некоторое время закрывала глаза на жадность, потом не выдерживала. Ну ты хоть на День влюбленных цветы-то купи! Нет, в любви клянутся, а спать с ней хотят даже не за еду в ресторане, а за собственного приготовления еду. «Я так делаю спагетти!» Макароны он ей сварит... И это при зарплате в пятнадцать тысяч долларов в месяц, что и по канадским стандартам очень высокий доход. Был у нее такой один менеджер в любовниках. Итальянец. В уши заливал — заслушаешься. Но на праздники старался пропасть, чтобы не тратиться, а когда она спросила, неужели нельзя было хоть букет с тортом купить, сказал: «Ты корыстная. Без штанов меня хочешь оставить?» Она удивилась, что в английском языке оставить ни с чем — это тоже оставить без штанов.

Бросила его. Хотя сердцем прикипела. Точнее, телом. С голодухи-то прикипаешь к любому симпатичному, стройному и неглупому мужчине. С итальянцем можно было поговорить об искусстве, книгах. А ей всегда этого хотелось. Но на День влюбленных, пребывая с ней в своей спальне, он вдруг вытащил из ящика шкафа искусственные члены. Голубой и розовый. В разорванной упаковке. И сказал, что купил это ей в подарок.

Анна какое-то время молчала, с ужасом взирая. Она — учительница, а что ни говори, профессия накладывает отпечаток. Ее мама — тоже учительница. У нее в роду двадцать пять учителей.

Спросила:

- А почему упаковка разорвана? Может, это осталось от твоей бывшей герлфренд?
- Нет, это я разорвал, чтобы посмотреть.

Анна не поверила и даже в руки брать отказалась.

В гардеробной у него было сто пятьдесят пиджаков. Он ей сам сказал и показал. И море обуви. Он любил наряжаться. Итальянцы — народ, ценящий красоту.

Получив в подарок члены, Анна задумалась, есть ли жизнь на Марсе. Есть ли любовь в Канаде и порядочные мужчины. Она стала назначать свидания русским интернет-ухажерам, но и тут потерпела фиаско. Наши приходили на свидание в затрапезном виде и все ныли, ныли... Что жена бросила, что все женщины корыстные, что начальник дурак и не ценит. Анна заметила, что иностранцы обычно перед женщиной распушают хвост и лгут об успехах, преувеличивают их. Особенно люди с Ближнего Востока — те просто факиры. Наши же, наоборот, жалуются. Потому что первые видят в женщине самку, добычу, которую надо ухватить, и желательны бесплатно, за рассказами, а наши в ней видят маму. «Вот по тебе видно, что ты душевная женщина» — так они начинают и изливают накопившуюся боль, после чего Анне уже ни любви не хочется, ни секса.

...И вот она едет к мужчине, которому под шестьдесят, но на фото он модный, в кожаном прикиде, с профессионально подстриженной бородкой, современной прической (волосы все на месте!), и с которым она по Интернету даже поговорила о Достоевском. Это сильно прибавило ему привлекательности.

— Зачем тебе эти нерусские? — возмутилась как-то ее знакомая Мила, иммигрантка из Одессы. — Выпиши себе из России мужика!

— Он же будет без вида на жительство. Сначала надо сделать ему документы — это морока и деньги, у меня лишних нет. Потом ждать, пока он выучится в колледже, содержать, потом его без опыта не будут брать на работу. Короче, несколько лет нянчить.

— Да ну! Выходишь замуж, привозишь и бросаешь на стройку. Какой колледж? Пусть руками работает, там заработки хорошие, и есть и второй плюс: ты его почти не будешь видеть. Будет вечером приходиться, валиться в постель и засыпать. Утром рано уходить. И отдавать тебе всю зарплату. Я так сделала, красота!

У Милы были нестандартные советы на все случаи жизни.

— Какая ты дура! — ласково говорила она. — Зачем ты работаешь? Сделай себе справку о шизофрении и получай пособие.

— Но я не больна.

— В том-то и дело, что если справка — о болезни сердца или почек, тут тебя поймут, анализы покажут, что у тебя все в порядке. А шизофрения — такое дело, что никогда не докажут, что у тебя ее нет...

Мила хохочет.

— Вот я сделала себе и дочери, и имеем два пособия. Тебе телефон доктора Левина дать? За пять тысяч долларов он тебе нарисует.

Анна не знает, что ответить, и Мила понимает это по-своему.

— Дорого, конечно, собака, берет, но это же кусок хлеба на всю жизнь. Мы теперь с дочей отдыхаем, гуляем везде, общественной деятельностью занимаемся.

Общественная деятельность Милы заключается в том, что она периодически кого-то судит. На деньги. Сейчас она судила своего стоматолога. До этого она «поскользнулась в супермаркете» и судила супермаркет. Что-то получила. Она также подала иск против мэрии. Анна не вникала, в чем суть, но поняла, что Мила требует с них каких-то дополнительных выплат инвалидам и что Мила кричала в мэрии, а когда пришла полиция, она помахала перед ними своей справкой, и те удалились несолоно хлебавши.

— Знаешь, а в России у нас не получилось инвалидность получить, — доверительно пожаловалась она. — Мы хотели, но там столько бумаг требуют! Не прорвешься сквозь их бюрократию.

И Анна порадовалась за Россию.

* * *

Новый знакомец оказался португальцем, которого привезли в Канаду в пять лет. Встретиться он предложил в парке на скамейке. Анна думала, что он приедет на машине, она в нее сядет, и они поедут в какую-нибудь кофейню. Но он приехал на велосипеде. Что означало: никуда он ехать не собирался, даже на ее автомобиле, ибо как оставишь велосипед?

Вида он оказался потрепанного. Старый, лысый. Седая борода, как на снимке, присутствовала. А более ничего не совпадало. Одет был в клетчатую фермерскую рубаху, старые джинсы и грязные ботинки. Объяснил, что машина у него есть, но на велике удобнее: не надо платить за парковку.

Не зная, о чем говорить, Анна заговорила про сауну, в которой побывала недавно. Сказала, что очень любит русскую баню. Он спросил: «Как в ГУЛАГе?» И засмеялся. Она заговорила с ним про кино, книги, искусство. Он три раза широко зевнул. Сказал, что любит русское искусство, что даже похож на русских, только не алкоголик. И снова засмеялся своей шутке. Поведал о бывшей жене, с которой у него был общий бизнес. Разведясь, они его продали, а деньги поделили. Сейчас он живет на эти средства. Денег хватает, чтобы не работать и путешествовать. Есть двое детей. Учатся в частной школе.

Сказал это самодовольно. Добавил, что были у него с женой еще две собаки. Они и их поделили, но теперь ему собака мешает, потому что хочется путешествовать, а как ее оставишь? Он собирается сдать ее в приют.

«Гнида», — подумала Анна, соображая, как расстаться прямо сейчас. А у португальца вдруг развязался язык. Он пригласил ее в арт-галерею, куда ему подарили абонемент, то есть это будет для них бесплатно. «Кажется, дождь начинается», — сообщила Анна голосом Пятчэка и обрадовалась, что можно уйти. Встала и почти убежала.

Бежала к своей машине и думала, что вот кому не суждено, тому не встретится, как ни трепыхайся, а нормальных мужиков нет, и как встречают хороших мужей другие женщины — непонятно, или у них тоже такие нелепые мужчины, но женщины это скрывают? А может быть, это с ней что-то не так? Но как же не так, если к ней изначально, еще не зная ее, на велике и в грязных ботинках приезжают?

* * *

Утром на пороге лежала куча. Над ней вились мухи. Анна могла бы подумать, что это енот нагадил — они тут, в Канаде, везде. Лазят по мусоркам, бегают по участкам.

Фекалии у них на вид как человеческие. Но куча лежала по центру — так, чтобы человек вышел из Анниного дома и сразу наступил. Более того, в крышке от торта «Киевский».

Анна стояла над ней и думала, что делать. С дерьмом и с соседкой, которая его подложила. За спиной появилась дочь, вскрикнула, потом бросилась снимать. Она сообщала быстрее: «Вызываем менеджмент!»

Анна растерянно смотрела на нее, потом пошла, надела резиновые перчатки, вернулась, чтобы убрать украинский подарок. Вид у нее был совершенно потерянный.

Дочь, выросшая в Канаде, вызвала полицию и на хорошем английском рассказала сначала полиции, а потом и по телефону руководителю офиса субсидированного жилья все, что происходило в последние месяцы, послала видеозаписи. Она говорила, правильно расставляя акценты. О том, что соседка шумит, харассает («харассмент» — это как сексуальное домогательство, так и просто травля), занимается буллингом (дразнит, оскорбляет) и необходимо принять срочные меры, так как «эта женщина небезопасна».

— Вам угрожали убийством? — спросили полицейские.

— Да, сказала, что уже и могилы для нас вырыты.

Анна сидела на краешке дивана, застыв, и наблюдала за ней. Она враз устала и чувствовала тяжесть во всем теле. А ей ведь еще на работу... К мальчику из Сомали, который похож на паука. У него большая гидроцефальная голова и тоненькие, длинные ручки и ножки. Он черный и весь в соплях. Он хватает ее этими ручками с высохшими соплями и обнимает. А она обнимает его в ответ — ребенок есть ребенок. И он ведет себя лучше после того, как его приласкали.

Хочется спать. Вчера до трех ночи соседка орала на балконе, у нее громко играла музыка, были гости, и снова слышалось про «русских чмырих», и «они пожалеют, что на свет родились», «пусть в Кремль жалуются».

Полицейские, выслушав дочку Анны, пошли к соседке. Не достучались. Пообещали снова прийти. Успокоили. В течение дня Анна работала и позванивала домой. Выяснилось, что стражи порядка опросили соседей, и те подтвердили, что Римма шумит, скандалит. Потом пришли представитель менеджмента, им виновница торжества открыла. И какой там был разговор, доподлинно неизвестно, но человек из менеджмента постучался потом в дом Анны и заверил ее, что соседка больше никогда не будет докучать, что ей объяснено про грозящее ей выселение.

Потом к Римме пришла полиция и все-таки встретилась с ней, и хоть и не отчиталась перед Анной, но с тех пор соседка стала тише воды, ниже травы. На балкон она уже почти не выходила, по телефону говорила тихо, гости к ней продолжали ходить, но это было видно только по теням, передвигающимся за занавесками.

* * *

— Давай вернемся домой, в Россию? — в который раз предлагала Анна дочери.

— Ну ты же сама говорила, что у меня там инвалидности не будет, а работать я не могу. Не хочу висеть на твоей шее. И жилья у нас там нет. Привезла меня сюда, так терпи.

— Я хотела как лучше. В девяностые было очень тяжело. Я думала о твоём будущем.

— Мне тут только хуже стало. Потому что тут стрессовая жизнь. Я смотрела на тебя и становилась такой же несчастной. Это ты во всем виновата.

— Я, — соглашается Анна. — Тут может быть даже не в Канаде дело. Везде сейчас жить тяжело, ты заметила? У нас в советское время как-то все было просто и понятно. И не надо было постоянно против чего-то сражаться. А тут преодолеваешь, преодолеваешь... И враждебно все так стало, чувствуешь?

Подумала и добавила:

— Если Третья мировая, нас тут могут в лагерь уечь.

— Да ну!

— Что «да ну»?! Украинцев местных в Первую мировую уекли. В неотопливаемые бараки в Альберте. За то, что у них паспорта Австро-Венгрии. А во Вторую мировую посадили в лагеря уже японцев, даже которые здесь родились.

— Сейчас — это не тогда. Другой век.

— Времена всегда одни и те же. Нас, русских, всех уекут в лагерь, — настаивала Анна, сама в это не очень веря. — И там навакцинируют так, что будем, как зомби, ходить, вытянув вперед руки.

Усмехнулась, представив.

— А как все-таки хорошо, что сняли запреты на перелеты для невакцинированных! — порадовалась. — Как страшно было, что мы, даже если захотим, не сможем домой убежать.

В Канаде в октябре 2021-го ввели запрет для невакцинированных на перелеты и поездки на поезде. Даже по стране. Таким образом, уволенные с работы и выкинутые из вузов иммигранты даже не могли уехать к себе на родину. Оказались заперты в Канаде на неопределенное время, как в мышеловке. Было страшно. Ходили разговоры, что непривитых не будут пускать в магазины, и в некоторые торговые сети действительно перестали пускать. Анна, как и многие другие, затоварилась консервами и макаронами. Но было тревожно. Еда же когда-то кончается...

Анна и многие другие ждали, когда снимут запреты. Но сняли только после того, как Путин объявил СВО, и посыпалась глобалистская затея с ковидом.

Анну не сместило слово «масоны». Она не то что верила в их существование, а точно знала, что они есть. В Канаде их храмов понавтыкано немало. С замазанными оконными проемами. Вроде как окно, но заложено кирпичами. «Масоны — как жопа, — смеялась она. — Слово есть, а их нет?»

* * *

В следующий выходной Анна никуда не пошла. Ни на свидание, ни в магазин — есть еще запасы консервов и макарон, надо съесть, а на ужин она пойдет с дочкой в ресторан — они так долго были закрыты в карантин, что теперь нужно непременно сходить. И вообще, надо ходить везде, наслаждаться, потому что, как показали последние два года, это все могут отобрать. Надо успевать жить, пока не новое зараза-шоу и не война.

А пока Анна решила полежать на диване и ни о чем не думать. И новостей не читать. Но не утерпела, взяла в руки англоязычную газету и прочитала на первой странице, что в Канаде невакцинированные — на стороне России. Это показали опросы.

Она глубоко вздохнула, улыбнулась и, оборотив лицо к иконе, попросила:

«Господи, помоги нам всем!

Пусть русских погибнет как можно меньше.

И украинцев — как можно меньше. И пусть они прозреют!

Пусть сгинет Тьма.

Пусть у России все будет хорошо.

И Канада пусть снова станет свободной!

Пусть всегда будет солнце, Господи!»